Елена Вьюговская

«Понимаю и приношу извинения автору»

Рецензия на книгу Александры Мартыненко ***«Бездушные бюрократы. Как устроена работа органов опеки»*** *(2025)*

Елена Васильевна Вьюговская, научный сотрудник Центра «Институт социального анализа и прогнозирования» ИПЭИ РАНХиГС, Москва, Россия.
ORCID: 0000-0003-3488-6025
Электронная почта: vyugovskaya-ev@ranepa.ru

Для цитирования: *Вьюговская, Е. В.* «Понимаю и приношу извинения автору»: Рецензия на книгу Александры Мартыненко «Бездушные бюрократы. Как устроена работа органов опеки» (2025) // Социология заботы. 2026. Т. 1. № 1. С. 164–167.

> *«Почему я здесь стою? Есть идеи? Я встал на стол, чтобы напомнить себе о том, что надо смотреть на вещи с разных точек зрения. Видите ли, отсюда мир выглядит иначе. Если не верите, попробуйте сами. В тот момент, когда вы посчитаете, что что-то знаете, необходимо взглянуть на это по-другому, даже если это покажется вам глупым или нелепым. А когда вы читаете, не думайте о том, что хотел сказать автор. Думайте о том, что хотели бы сказать вы».*
>
> **«Общество мертвых поэтов»**

Более подходящего мэтча между пылкими, но не лишенными точности словами Джона Китинга и впечатлением, которое производит внушительная работа Александры Мартыненко, найти сложно. И стоит ли. Действительно, с «изнанкой» профессиональной жизни служащих различных бюрократиче-

ских структур мы сталкиваемся не часто, не говоря о том, что почти не задумываемся о ней.

Между тем, как верно подмечает сама автор, в учреждениях, включенных в систему государственной власти, в том числе, в органах опеки, с присущими им формализмом, большим количеством служебных обязанностей и нарочито-медлительным делопроизводством (не всегда, конечно) сложно, но нужно и важно увидеть людей, *«которые руководствуются не только правилами и предписаниями, но и живыми эмоциями, устают, сопереживают и идут на различные компромиссы в поисках решения, позволяющего сохранить детскую жизнь, семью и самого себя»*. Не могу назвать эту мысль откровением, скорее она и ее развитие в книге представляется подтверждением собственных убеждений и рефлексий, доказательством интуитивных ощущений, сложившихся в результате исследовательской работы и личного опыта.

Если не понять, то, по крайней мере, приблизиться к пониманию, *«как на самом деле работают реальные люди в сложной системе защиты детства»,* неизбежно проникнуться трагедийностью и тесным соприкосновением этой работы со многими весьма деструктивными человеческими страстями, и даже, в некоторой мере, сакрализировать ее альтруистское начало, у меня самой впервые получилось в то время, когда мой родной, очень близкий человек работал в сфере опеки и попечительства — с тех пор твердо верю в состоятельность государственного, институционального участия в организации заботы о детях и их благополучии, несмотря на небезошибочность, бесспорную необходимость в переменах, и ту самую «бездушность», зачастую весьма условную.

«Любой социальный феномен — даже рациональная и бездушная система бюрократической инстанции — невероятно сложно устроен, противоречив, двойственен и должен рассматриваться через жизнь конкретного коллектива и конкретных людей, поскольку ничего, кроме этой жизни коллективов, в государстве нет», — отмечает автор. В этом и описанных выше соображениях о работе тех, кто оказывает социальную поддержку семьям с детьми, я смогла еще больше утвердиться благодаря исследовательским интервью в рамках большого проекта по изучению подростковой преступности, органи-

зованного с коллегами несколько лет назад. Многочисленные и продолжительные разговоры, с характерными сухими, отработанными формулировками в начале и довольно эмоциональными, явно волнующими самих экспертов рассуждениями в конце, с представителями комиссий по делам несовершеннолетних, сотрудниками полиции, руководителями департаментов социальной защиты и другими специалистами в области охраны детства сформировали непоколебимое видение этих людей как вовлеченных и сопереживающих, с ярко выраженным чувством долга, если не сказать миссии, очень терпеливых и понимающих, в то же время стойких и даже жестких. Это люди, которые много работают и перерабатывают (*«защита детей не может вестись по расписанию»*), при этом вместо приятного ожидания испытывают скорее осторожность и опасение в преддверии праздничных дней, продолжительных выходных или каникул (словом, периодов, когда пробуждается «мятежный» дух подростков и усиливается (или возвращается) праздный образ жизни неблагополучных родителей); люди, которые могут преподать мастер-класс по холодному безапелляционному бюрократическому общению и, как говорит автор, при необходимости *«развернуть»*, вместе с тем они же незамедлительно и самоотверженно придут на помощь остро нуждающимся в ней семьям и детям.

Понимаю и приношу извинения автору, что чересчур углубилась в воспоминания и анализ своих полевых наблюдений, вместе с тем считаю, что в этом и заключается сильная и очень значимая сторона книги, перефразируя слова героя фильма «Общество мертвых поэтов» — побудить читателя думать о том, что хотел бы сказать он сам. *«Собственные проекты переустройства органов опеки и системы защиты детства в России»*, от простых решений до смелых, циничных и страшных антиутопий (Оруэллу или Берджессу могло бы понравиться) тоже пришли в голову и теперь.

Дискуссионность и рефлексивность — безусловные достоинства работы, а незатейливая, ироничная и одновременно драматичная форма, в которую она облечена, не оставляют ничего другого, как сожалеть, что книга закончилась слишком быстро. «Разве можно описать работу в опеке одним

днем, три года же как целая жизнь!» — ловлю себя на горькой мысли, но с большой благодарностью к автору тут же добавляю про себя — «Саша, пишите, пожалуйста еще».